

А. Н. Веселовский

Новый взгляд на Слово о полку Игореве

**Взгляд на Слово о Полку Игореве. Соч. Всев.
Миллера. Москва, 1877**

УДК 82-3
ББК 84
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Новый взгляд на Слово о полку Игореве: Взгляд на Слово о Полку Игореве. Соч. Всев. Миллера. Москва, 1877 / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-518-06226-9

Журнал Министерства Народного Просвещения. Август. 1877. Пятое десятилетие. Часть СХСII.

ISBN 978-5-518-06226-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Взглядъ на слово о Полку Игоревѣ. Соч. Всев. Миллера. Москва, 1877.

Я не сомнѣваюсь, что спеціалисты по русской словесности встрѣтятъ съ полнымъ сочувствіемъ новый трудъ г. Всеволода Миллера: „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“, предложенный имъ въ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы, поставленные въ программѣ четвертаго археологическаго съѣзда:

52. Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, внослѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?

53. Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?

54. Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ выводить, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найдти иное объясненіе?

Стараясь отвѣтить на эти вопросы, авторъ впервые высказываетъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій. Въ этомъ его главная заслуга: и на почвѣ литературныхъ изысканій гражданскаго мужества хватаетъ у насъ менѣе, чѣмъ косной стыдливости. Но авторъ не только высказываетъ, но многое и доказываетъ, хотя со многими изъ его объясненій не всѣ, быть можетъ, согласятся. Я говорю о спеціалистахъ, самъ же я подхожу къ вопросу, какъ простой читатель.

Странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ давно поражало всякаго непредвзятаго начетчика Слова. Въ немъ есть несомнѣнно мотивы русской народной поэзіи; самъ авторъ, признавшій на стр. 112 и 116 поэтическій плачъ Ярославны передѣлкой визан-

тійско-болгарскаго плача, въ концѣ книги отказался отъ этого мнѣнія ¹⁾. И рядомъ съ этимъ народно-поэтическимъ элементомъ какое обиліе книжности и реторики! Другое противорѣчіе еще болѣе вызвало на размышленіе: авторъ Слова — христіанинъ, жилъ въ эпоху, когда церковь гремѣла обличеніями противъ всего языческаго, что продолжало жить въ народѣ въ видѣ обрядовъ и вѣрованій; въ этой борьбѣ съ язычествомъ онъ долженъ былъ стоять на сторонѣ церкви, Половцы для него „поганые“. И вмѣстѣ съ тѣмъ ему удастся избрать себѣ такое изолированное положеніе, подняться до такого религіознаго объективизма, что онъ называетъ князей внуками Дажьбога, Бояна внукомъ Велеса, вѣтры внуками Стрибога и т. п. Если и предположить, что онъ самъ былъ способенъ доработаться до такого религіознаго безразличія, то трудно представить себѣ существованіе въ его время такой среды, которая отнеслась бы сочувственно къ такому пониманію дѣла.

Г. Всеволодъ Миллеръ выводитъ насъ изъ этихъ противорѣчій своимъ взглядомъ на Слово о Полку Игоревѣ. Онъ исходитъ изъ мысли, къ которой потомъ сводится и все его изслѣдованіе, что авторъ Слова „былъ человекъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ, и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу“ (стр. 11); что онъ „не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными мнѣніями“ (стр. 9), а воспитанъ былъ на книжныхъ произведеніяхъ своего времени. Русская литература его поры „была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ и передѣлокъ византійскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южнославянскую среду“. Отдѣлъ старинныхъ повѣстей, исторій и сказаній, въ родѣ Александрія, исторіи о Троянской войнѣ, о Дѣяннѣ Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ — вотъ тѣ образцы, на подражаніи которымъ долженъ былъ создаться стиль автора Слова о Полку Игоревѣ. Чтобы упрочить это положеніе г. Вс. Миллеръ подробно разбираетъ во 2-й главѣ своего изслѣдованія греческую поэму X вѣка о Дигенисѣ и

¹⁾ Сл. стр. 238. О значеніи Дуная въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ см. у Все. Миллера, стр. 109 — 116 и 238. Настоящая точка зрѣнія указана была Ягичемъ въ его *Forschungen auf dem Gebiete der slavischen Volkspoesie*, II: *Dunav-Dunaj in der slavischen Volksepik* (въ *Archiv für slavische Philologie*, I), гдѣ для вопросовъ, возбуждаемыхъ Словомъ о Полку Игоревѣ, особенно интересны сопоставленія изъ южно-русскихъ пѣсенъ, стр. 310—324.

русскую повѣсть о Девгеніи, представляющую, какъ извѣстно, пересказъ византійскаго подлинника. Третья глава посвящена указанію аналогій между этимъ произведеніемъ и Словомъ о Полку Игоревѣ. „Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ разказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Оба произведенія написаны съ цѣлью прославить извѣстнаго героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картинами природы, и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, предрекаетъ успѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпическій разказъ прерывается иногда прямою рѣчью, влагаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ; въ обоихъ вѣщія сны предсказываютъ будущее“ (стр. 51—52). Далѣе эти аналогіи разсматриваются подробно (стр. 52—61), при чемъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ книжности Слова является обращеніе автора къ читателямъ, напоминающее классическое *exordium* (стр. 61 и сл.), и его стремленіе быть назидательнымъ (стр. 65 и сл.).

Сравненіе поэмы о Дигенисѣ съ „Словомъ“ не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что первая служила образцомъ второму. Авторъ далекъ отъ этой мысли. „Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи“, говоритъ онъ, — „только то, что византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода у него сложилась своя манера повѣствовать, свое понятіе объ изяществѣ, вкусъ къ тому направленію, которое мы не умѣемъ охарактеризовать инымъ названіемъ, кромѣ „романтизма“. Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти; но переработанные душою поэта, эти мысли, образы и выраженія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ подъ пера. Если можно картины и образы поэта назвать подражаніями, то эти подражанія были не рабскія, а безсознательныя, явившіяся какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ. Начало „Слова“ не было построено по тому или другому образцу: но обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литературными приѣмами немедленно пришло на помощь: вступленіе вылилось въ формы уже готовыя“ (стр. 64—65).

Сведенное къ этимъ разбѣрамъ отношеніе Слова къ поэмѣ должно быть обобщено въ томъ смыслѣ, что авторъ перваго былъ начитанъ въ произведеніяхъ византійской беллетристики (я съ умысломъ выбираю это слишкомъ общее обозначеніе), усвоилъ себѣ ея стиль и приемы, образчики которыхъ можно усмотрѣть, между прочимъ, и въ поэмѣ о Дигенисѣ, и тѣмъ и другимъ воспользовался при своемъ дѣлѣ, съ большею или меньшею свободой. Съ тою же свободой онъ обращался и съ своимъ народнымъ матеріаломъ, откуда перенесъ къ себѣ мотивы плача Ярославны, съ чертами южно-русской поэзіи (стр. 236), и прибавимъ отъ себя, съ чертами ея сентиментальности. Источникъ „сентиментальности“ Слова г. Всеволодъ Миллеръ видитъ впрочемъ не въ народныхъ симпатіяхъ его автора, а въ византійскихъ поэмахъ въ родѣ Дигениса: онѣ-то и подсказали ему „нѣжныя рѣчи русскихъ женъ, и ласковный эпитетъ *милая ладъ*, которыми онѣ называютъ отсутствующихъ мужей. Быть можетъ, мы ошибаемся“, замѣчаетъ г. Миллеръ, — „но намъ эта нѣжность, проникающая женскіе образы „Слова“, представляется отголоскомъ византійской, книжной сентиментальности. Едва ли такое романтическое отношеніе къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русскаго общества XII вѣка“ (стр. 61); оно свидѣтельствуетъ о „мірскомъ и романтическомъ (добытомъ изъ чтенія византійскихъ поэмъ) настроеніи автора, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами“ (стр. 60).

Намъ приходится выбирать между молитвой съ славянскими текстами и романтическою сентиментальностью, почерпнутою изъ византійскаго романа; между словами о злыхъ женахъ и узкимъ нравственнымъ взглядомъ церковника и—такимъ же книжнымъ, отвлеченнымъ идеаломъ культурной, развившейся въ другомъ направленіи среды. Между тѣмъ и другимъ стояла насущная жизнь, русское общество XII вѣка, котораго нравственный обликъ мы не знаемъ, потому что знаемъ его только изъ тѣхъ же словъ о злыхъ женахъ и т. п. Изъ народной поэзіи того времени не сохранилось ничего; остаются заключенія *a posteriori*. Если образы въ плачѣ Ярославны до сихъ поръ отзываются въ малорусской народной поэзіи, то отчего бы не сблизить оба эти явленія и въ отношеніи „сентиментальнаго чувства“, за которыми автору Слова, быть можетъ, и не приходилось обращаться къ Византіи?

Если изъ суммы вліяній византійскихъ подлинниковъ, типически представленныхъ поэмой о Дигенисѣ, на Слово о Полку Игоревѣ вы-

дѣлать одно существенное, то оно ограничится безсознательнымъ воспроизведеніемъ стилиа и общихъ риторическихъ приемовъ:

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ замѣтить, что выборъ Дигениса типомъ тѣхъ литературныхъ произведеній, подъ вліаніемъ которыхъ писалъ авторъ Слова, едва ли удаченъ. Дѣло вовсе не въ содержаніи обоихъ памятниковъ, которые г. Вс. Миллеръ и не сравниваетъ (стр. 51), а въ направленіи и въ жанрѣ. Поэма о Дигенисѣ Акритѣ—одно изъ характерныхъ произведеній Византіи (*ibid.*); ея герой такой же популярный герой для Эллиновъ, какъ для насъ Илья Муромецъ (стр. 16—17). Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ народнымъ, былиннымъ матеріаломъ, которымъ овладѣлъ сознательный поэтъ-художникъ. Другое впечатлѣніе производитъ Слово: его авторъ—книжный челоуѣкъ, „представитель и поборникъ политической идеи“ (стр. 9), пишущій съ извѣстной точки зрѣнія о небольшомъ мѣстномъ событіи, значеніе котораго онъ преувеличиваетъ, пуская въ ходъ знакомыя ему общія мѣста книжной реторики. У него несомнѣнный поэтический талантъ; но то, что остается за вычетомъ, то-есть, его внѣшнія средства и стилистическіе приемы, болѣе напоминаетъ декламацию, похвальное слово, чѣмъ поэму о народномъ героѣ. Я не сомнѣваюсь, что параллель, проведенная къ Византіи въ этомъ направленіи, откроетъ больше аналогій, чѣмъ сравненіе съ поэмой о Дигенисѣ.

Но это не къ дѣлу. Послѣдуемъ далѣе за авторомъ „Взгляда“.

Византійскій подлинникъ, вдохновившій автора Слова о Полку Игоревѣ, былъ ему знакомъ не непосредственно: такое вліаніе и знакомство шло къ намъ въ ту пору черезъ южно-славянскую, именно—болгарскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву (стр. 69). Такія „болгарскія книги“ и „болгарскія басни“ воспринимались русскими книжниками, переписывались. Степень ихъ южно-славянской окраски и теперь еще можно, въ иныхъ случаяхъ, опредѣлить качественно, по слѣдамъ болгаризма въ языкѣ, правописанію, и т. д. русскихъ списковъ; для того, чтобъ уяснить себѣ, на сколько народная окраска затронула ихъ содержаніе, необходимо имѣть передъ глазами ихъ византійскіе оригиналы. По отношенію къ источникамъ, или, лучше сказать византійско-болгарскимъ образцамъ Слова о Полку Игоревѣ, послѣдній вопросъ получаетъ особое значеніе: это вопросъ о самостоятельности автора русскаго Слова. Мы назовемъ его, вмѣстѣ съ г. Всев. Миллеромъ, самостоятельнымъ, если, создавъ планъ и сообразивъ подробности своего труда, онъ ограничилъ свои заимствованія тѣмъ, что

неволью почерпалъ мысли, образы, выраженія изъ запаса своихъ книжныхъ воспоминаній. Другое дѣло, если заимствованія его имѣли характеръ спеціальнѣйшій, затрогивая канву чуждаго разказа, перенимая ея клочками изъ свое произведеніе и только перелицевывая и прилаживая на русскій ладъ.

Для того, чтобы порѣшить этотъ вопросъ, необходимо составить себѣ точное понятіе о характерѣ того болгарскаго памятника, отъ котораго отправился авторъ Слова. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, какова была его фабула, находилось ли въ немъ, на примѣръ, такое же историческое зерно, какое мы видимъ въ нашемъ памятникѣ (походъ князей на враговъ), принадлежалъ ли онъ къ тому же литературному роду, какъ и наше Слово. За то мы можемъ еще надѣяться опредѣлить себѣ свойства его изложенія, нѣкоторыя детали и типическія выраженія, а вмѣстѣ съ ними, быть можетъ, и клочекъ фабулы. Это достигается путемъ остроумнаго анализа, который представляется мнѣ наиболѣе существенною частью книги г. Всева Миллера. Подвергая Слово пристальному разбору, онъ открываетъ подъ нимъ первый подпочвенный слой, съ особою народною окраской, которую онъ вмѣняетъ болгарскому прототипу Слова; далѣе, идя тѣмъ же путемъ, мы доходимъ и до византійскаго субстрата, которымъ руководился болгарскій книжникъ, и здѣсь получаемъ результаты, хотя сравнительно и бѣдные содержаніемъ. Слово о Полку Игоревѣ является какъ бы памятникомъ русскаго поэтическаго возрожденія, въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ. Слѣдуетъ познакомиться съ качествомъ этихъ матеріаловъ, чтобы составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ распорядился ими авторъ Слова.

Г. Всева Миллеръ начинаетъ съ анализа извѣстныхъ мѣстъ Слова, гдѣ говорится о жизни, силахъ „Дажь-божа внука“ (стр. 71 и сл.) „Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажьбога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажьбожа внука и силы Дажьбожа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизнь князей и сила князей*. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣрить въ его реальность“ (стр. 72); не могъ же онъ, человекъ начитанный и близкій ко двору, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ Святый, а солнечный Дажьбогъ (стр. 74). Съ другой стороны, если нѣтъ

основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, то нѣтъ и прямыхъ указаній, что онъ былъ *популярнымъ русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя, помимо Слова и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской, именно, во вставкѣ изъ болгарскаго перевода (X вѣка) хроники Малалы, подставившаго Дажьбога вмѣсто греч. ἥλιος. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажьбога въ Словѣ? Внукъ Дажьбожь могло быть болгарскою передачею византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь миѣческому или историческому лицу. Дажьбожь былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба. Въ свою очередь авторъ Слова, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, *не отдавая себѣ въ немъ отчета*, и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77).

„Велесовъ внукъ“, подъ которымъ разумѣется Боянъ, представляется такимъ же украшающимъ эпитетомъ (стр. 77). Авторъ Слова, конечно, хорошо зналъ русскую форму Волось; если онъ употребилъ форму книжную, болгарскую Велесь, то потому, что нашелъ ее въ своемъ оригиналѣ (стр. 79—80). Велесь, по всей вѣроятности, соотвѣтствовалъ богу-пастырю, солнечному Аполлону, извѣстному музыканту, предводителю хора музъ. Болгарскій книжникъ нашелъ, вѣроятно, въ своемъ византійскомъ подлинникѣ классическій титулъ поэта: внукъ Аполлона, и передалъ послѣдняго Велесомъ: приравненіе, возможное у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношеніямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческою миеологіей (стр. 80—81). Автору Слова и въ этомъ случаѣ оставалось перенести къ себѣ готовую болгарскую формулу „внукъ Велеса“, какъ онъ безотчетно заимствовалъ Дажьбожа внука.

Я не останавливаюсь на томъ, что г. Вс. Миллеръ говоритъ о Хорсѣ (стр. 81—86). Если и его авторъ Слова нашелъ въ своемъ болгарскомъ книжникѣ, то тому свидѣтельствомъ единственно болгарская форма Хръсъ и окружающія его слова, отзываются болгарщиной (стр. 83). Во всякомъ случаѣ если то, что говорится о Хорсѣ въ Словѣ, еще отличается замѣтнымъ миѣческимъ колоритомъ (стр. 81), то богъ, обгоняемый смертнымъ (то-есть, Всеславомъ), уже пересталъ быть богомъ и упоминается ради поэтическихъ цѣлей, какъ поэтическая гипербола (стр. 82).

„Какъ украшающій эпитетъ вѣтровъ употреблено въ Словѣ выраженіе „Стрибожи внуци“. Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени, и „нѣтъ основанія думать, чтобы авторъ Слова зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы“ (стр. 87). Слѣдуя аргументаціи г. Вс. Миллера можно бы и въ этомъ случаѣ предположить византійскую формулу: внуки Эола, передѣланную болгарскимъ книжникомъ въ внуковъ Стрибога и *безотчетно* заимствованную у него авторомъ Слова. Поступая такъ безотчетно, онъ дѣйствительно могъ знать о Стрибогѣ не болѣе, чѣмъ мы. Ту же безотчетность мы предположили выше, вмѣстѣ съ изслѣдователемъ, относительно Дажьбога и Велеса. Но какъ быть съ Хорсомъ? Вѣдь онъ, „по видимому, былъ также извѣстенъ у насъ, какъ и Болгарамъ“ (стр. 82). Еслибъ авторъ и перенесъ его изъ болгарскаго памятника, то на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ съ извѣстною ему величиною, которая и на родной почвѣ имѣла свою, занодозрѣнную церковь, цѣаность. Подозрѣніе въ двоевѣрїи, устраненное предположеніемъ, что писатель Слова орудовалъ готовыми мѣологическими формулами, которыя стали для него формулами поэтическими, это подозрѣніе снова поднимаетъ русско-болгарскій Хорсъ. Велесъ—другое дѣло: авторъ Слова могъ и не давать себѣ отчета о его связи съ русскимъ Волосомъ. Весь этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ и обще: по догадкѣ г. Вс. Миллера авторъ Слова имѣлъ передъ собою болгарское сказаніе, съ внуками Дажьбога, Велеса и Стрибога. Какъ бы ни поступалъ онъ безотчетно, какъ бы ни велико было его незнакомство съ значеніемъ терминовъ болгарскаго язычества, все же эти внуки и эти „боги“ являлись передъ нимъ въ контекстѣ, и онъ не могъ не давать себѣ отчета, въ какомъ смыслѣ являлось передъ нимъ характерное слово „богъ“, внуками которому приходились и князь, и иѣвецъ. Я не могу выйти изъ этого *contradictio in adjecto*: авторъ Слова орудуетъ поэтическими формулами, въ которыхъ не видишь ничего зазорно языческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эти формулы такъ прозрачны, ихъ употребленіе такъ характерно, что становится непонятнымъ, какъ онъ могъ не разглядѣть ихъ кореннаго смысла. Дѣло, впрочемъ, не въ одномъ авторѣ, а и въ тѣхъ, для которыхъ написанъ былъ его трудъ: надо какъ-нибудь выйти изъ дилеммы, понимали ли они Дажьбожа внука, внука Велеса и т. д., или же не понимали? Если понимали, то они либо двоевѣрны, какъ думали донинѣ, либо объективны въ религіозномъ отношеніи, что едва ли подъ стать XII вѣку. Если не понималъ, какъ не понималъ ихъ авторъ Слова, то безотчетность послѣдняго

переходить границы, за которыми трудно ее помирить съ его несо-
мнѣнною талантливостью.

Вопросъ о двоевѣрїи, какъ бы ни порѣшенъ онъ былъ для ав-
тора Слова, остается во всей силѣ — для безыменнаго автора того
болгарскаго произведенія, откуда попалъ къ намъ поэтический скарбъ
Слова. Ему то по крайней мѣрѣ приходилось переводить Аполлона
Велесомъ, Эола Стрибогомъ и т. п., и мы въ такомъ же затрудне-
ніи относительно его религіознаго міросозерцапія, въ какое ставилъ
насъ, бывало, авторъ русскаго Слова: затрудненіе только перестави-
лось на нѣсколько поколѣній назадъ. Если безыменный болгарскій
книжникъ вообще существовалъ, то его пришлось бы поставить въ
ту богомильско-языческую среду, противъ которой такъ ратовала бол-
гарская церковь. Въ такой средѣ, быть можетъ, могла сохраниться
память о Дажьбогѣ и другихъ его сверстникахъ. „Смѣшеніе чисто на-
роднаго вѣрованія“, говоритъ профессоръ Дриновъ, — „съ вѣрованіями
еретиковъ (со стороны церкви) могло произойти единственно вслѣд-
ствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или по край-
ней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа“
(стр. 132).

Слѣдуя далѣе за разборомъ г. В. Миллера, мы встрѣчаемъ Дива
и дѣву Обиду (стр. 87 — 98). Не будучи славистомъ и никогда не
анимавшисъ специально Словомъ о Полку Игоревѣ, я слегка кос-
нулся Дива и Обиды въ моей замѣткѣ о русскіхъ причитаніяхъ ¹⁾.
Моимъ тогдашнимъ наблюденіямъ я придаю исключительное значе-
ніе — бѣглихъ. Дивъ и Обида представились мнѣ родственными вы-
раженіями, двуличными представленіями одного и того же народно-
мифическаго образа: то зловѣщая птица, то дѣва, плещущая лебеди-
ными крыльями на синемъ морѣ. Лебединыя крылья не смущали
меня, и я понялъ ихъ какъ самостоятельное развитіе русскаго на-
родно-поэтическаго эпитета: дѣвушки-лебеди, внѣ связи съ сѣвер-
ными Валькиріями. Въ реторическомъ изложеніи автора Слова, не
чуждаго, какъ мы видѣли, и народныхъ мифовъ, крылья явились
поэтическимъ распространеніемъ при „бѣлой лебеди“, какъ названіе
молодца соколомъ повело его къ образамъ „гнѣзда“ ²⁾ и книжному

¹⁾ Die russischen Todtenklagen, p. 29—30. *Russische Revue* 1873 года, по по-
воду книги Е. Барсова: Причитаніи сѣвернаго края.

²⁾ Что касается пардужа гнѣзда (о немъ у г. Миллера стр. 225), то срав-
неніе съ нимъ Половецъ отвѣчаетъ, быть можетъ, не столько ихъ кровожад-

эпитету „шестокрыльцевъ“ (см. прим. на стр. 230—231). Отдѣливъ въ текстѣ слово „обида“ въ значеніи отвлеченнаго понятія, я увидѣлъ въ Дивѣ и въ дѣвѣ Обидѣ неполныя попытки мифическаго овеществленія идей: злой судьбины, прирожденнаго горя-злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщею птицей ворономъ, то въ видѣ Судинушки олоонецкаго причитанія, которая, плеща ладонями на берегу озера, сулитъ смертную участь неосторожнымъ пловцамъ:

Знать Судинушка по бережку ходила,
 Страшно ужасно голосомъ водила,
 Въ дланн Судинушка плескала,
 До суженыхъ головъ да добералась

 Ихъ Судинушка головъ да повзыскала.

Обида и Судьбина представились мнѣ аналогическими образами народной русской фантазіи, при чемъ я не преминулъ замѣтить мимоходомъ, что дивъ и дѣва могутъ быть связаны и этимологически.

Г. Вс. Миллеръ приводитъ ихъ въ еще болѣе близкую связь: дивъ и дѣва (Обида) находились уже въ болгарскомъ текстѣ, откуда ихъ перенесъ въ себѣ авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Среди Болгаръ и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе въ дивовъ, живущихъ на дивской горѣ и повинующихся дивскому старѣйшинѣ; въ самодивовъ, напоминающихъ нашихъ русалокъ, и т. д. ¹⁾ Они-то и переселились въ Слово о Полку: самодива или морская юда-самовила объявилась Дѣвой (дивой) Обидой, дивъ остался дивомъ, что, разумѣется, исключаетъ его толкованіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ, какъ зловѣщей птицы. Противъ Дивы-Обиды спорить трудно, если разъ допустить ея существованіе въ болгарскомъ подлинникѣ: ея приуроченіе къ Слову о Полку могло быть на этотъ разъ не безотчетное, потому что домашніе аналогическіе образы русской мифологіи подавали ей руку помощи. Но какъ приурочился и какъ былъ понятъ авторомъ Слова болгарскій Дивъ, не находившій себѣ аналогіи на Руси? Г. Всев. Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что одно изъ двухъ мѣстъ Слова, въ которыхъ онъ является, не согласно съ пониманіемъ его, какъ птицы: „уже врьжесъ дивъ на землю“; остается непонят-

ности и быстротѣ набѣговъ, сколько тѣмъ многимъ метафорамъ, замѣтнованнымъ отъ охоты, которыми изобилуетъ Слово.

¹⁾ Дива Слова о Полку Игоревѣ сближалъ съ южно-славянскими дивами уже проф. Макушевъ.